

СУДЬБЫ РОДНЫХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1922 гг.: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Л. А. Грицай✉

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

✉ usan82@gmail.com

Статья посвящена историко-антропологическому анализу судеб родных братьев и сестер, оказавшихся в 1917–1922 гг. по разные стороны политического и социокультурного противостояния, что позволяет рассмотреть феномен гражданского раскола на уровне микросоциальных структур и внутрисемейных связей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного осмысления механизмов формирования индивидуальных идентичностей в условиях радикальной трансформации общественного порядка, когда выбор политической позиции сопровождался разрывом традиционных форм родственного общения. Цель работы заключается в выявлении антропологических механизмов дивергенции идентичностей и стратегий социальной адаптации на материале сопоставительного анализа биографий представителей различных социальных и культурных групп.

В результате установлено, что семейная принадлежность задавала лишь исходные рамки социализации, но не предопределяла окончательный выбор, тогда как индивидуальные ценностные установки и профессиональные идентичности становились ключевыми факторами политического самоопределения и последующей интеграции в советский социум либо эмиграции.

Ключевые слова: Гражданская война, историческая антропология, практическая генеалогия, советское общество, эмиграция, социальная адаптация, культурная память

Для цитирования: Грицай Л. А. Судьбы родных братьев и сестер в огне Гражданской войны 1917–1922 гг.: антропологический анализ. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 30–39. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-30-39>. EDN: TDHXXI.

© Грицай Л. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

FATES OF SIBLINGS IN THE FLAMES OF THE CIVIL WAR OF 1917–1922: AN ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

L. A. Gritsai✉

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Respublikanskaya St., 108/1, Yaroslavl, 150000, Russia

✉ usan82@gmail.com

The article is devoted to a historical-anthropological analysis of the fates of siblings, found in 1917–1922 on different sides of the political and socio-cultural confrontation, which allows considering the phenomenon of civil division at the level of microsocial structures and intra-family ties.

The relevance of the research is determined by the need for an in-depth understanding of the mechanisms of formation of individual identities in the context of a radical transformation of the social order, when the choice of a political position is accompanied by a break in traditional forms of kinship communication. The aim of the article is to identify the anthropological mechanisms of identity divergence and social adaptation strategies based on a comparative analysis of the representatives biographies of various social and cultural groups.

As a result, the author highlights that family affiliation sets only the initial framework of socialization, but does not determine the final choice, whereas individual values and professional identities become key factors of political self-determination and subsequent integration into Soviet society or emigration.

Keywords: Civil War, historical anthropology, practical genealogy, Soviet society, emigration, social adaptation, cultural memory

For citation: Gritsai L. A. Fates of siblings in the flames of the Civil War of 1917–1922: An anthropological analysis. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(2):30–39. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-30-39>. EDN: TDHXL. (In Russ.).

© Gritsai L. A., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Изучение Гражданской войны в России в последние десятилетия демонстрирует отчетливый сдвиг исследовательского интереса от анализа масштабных военных операций и институциональных трансформаций к рассмотрению человеческих судеб, которые позволяют раскрыть антропологическое измерение трагедии, заключавшееся в том, что фронт проходил не только между социальными классами, регионами или политическими партиями, но и в границах отдельной семьи. Поэтому, несмотря на то, что феномен «братоубийственной войны» многократно осмыслялся в отечественной и зарубежной историографии как метафора глубокого социального раскола, судьбы родных братьев и сестер, оказавшихся по разные стороны идеологических баррикад, долгое время оставались в тени «большого нарратива», ориентированного преимущественно на интерпретацию структурных факторов, нивелирующих индивидуальные траектории и микросоциальные конфликты.

Актуальность исследования определяется необходимостью восполнить данный пробел, поскольку именно в частных историях ближайших родственников наиболее отчетливо проявляются механизмы выбора и самоидентификации в условиях радикального слома прежнего социокультурного порядка, а также способы адаптации личности к новым политическим и культурным реалиям. Противоречие заключается в том, что историография Гражданской войны накопила значительный массив сведений о ключевых военных и политических лидерах, а также об общих закономерностях революционных трансформаций применительно к отдельным социальным группам. Тогда как историко-антропологический анализ внутрисемейных конфликтов и идентичностей, разделенных политическими условиями, продолжает быть фрагментарным, становясь, в большей части, уделом практической генеалогии.

Исследования в подобном ключе, нередко тяготеющие к публицистике, выпадают из поля зрения академических историков. Ситуация, в итоге, существенно ограничивает понимание микродинамики исторических процессов.

Цель исследования состоит в том, чтобы на материале судеб нескольких пар родных братьев и сестер — Якова и Зиновия Свердловых, Антона и Виталия Макаренко, Евгения и Михаила Беренсов, Ивана и Юлия Буниных, Юрия и Александра Анненковых, Екатерины Рождиной-Инсаровой и Веры Пашенной — выявить антропологические механизмы формирования идентичностей в ситуации радикальной политической поляризации, а так-

же определить стратегии интеграции, эмиграции или сохранения культурной самобытности в послевоенных обществах.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении судеб представителей различных социальных слоев и культурных традиций, что позволяет выйти за рамки традиционной политико-исторической оптики и реконструировать механизмы переживания раскола в семье как особого типа сообщества, чья устойчивость подвергалась испытанию историческими катастрофами, тем самым работа способствует расширению представлений об антропологии Гражданской войны и открывает возможности для нового прочтения феномена «братоубийственной войны» не только как метафоры национального раскола, но и как реальной драмы, разворачивавшейся в личностном пространстве родственных связей.

Исследование построено на анализе мемуарных и эпистолярных свидетельств самих участников событий, фиксирующих их восприятие Революции и Гражданской войны. Вспомогательную роль сыграли наработки историографии в историко-биографическом ключе.

Методологической основой работы послужило сочетание антропологического подхода, теории адаптации и биографического метода. Такой блок, ориентированный на микросоциальный анализ, позволяет рассматривать конкретные человеческие судьбы как маркеры шире проявляющихся социокультурных процессов.

Теоретический анализ судеб родных братьев и сестер в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. требует выработки целого комплекса критериев, позволяющих исследовать не только социальное и политическое самоопределение членов одной семьи, но и антропологическое измерение их личного выбора, то есть глубину субъективного опыта, степень совпадения или расхождения их политических ориентаций, а также влияние внутрисемейных связей на индивидуальные судьбы; эти параметры позволяют вскрыть амбивалентность выбора, неизбежность расхождений даже в пределах одной семьи и своеобразие антропологического опыта выживания в эпоху слома старого мира.

В качестве основных критериев целесообразно выделить:

1. Социальное происхождение семьи и степень вовлеченности в революционное движение до 1917 г., что позволяет установить исходные условия социализации и ранние формы политической активности.

2. Индивидуальная политическая позиция в годы Гражданской войны (здесь акцентируется

Таблица 1. Сопоставление судеб Якова и Зиновия Свердловых
Table 1. Comparison of Yakov and Zinovy Sverdlov fates

Критерий	Яков Свердлов	Зиновий Свердлов (Пешков)
Отношение к политике до 1917 г.	С юности активно вовлечен в революционное движение, за что многократно арестовывался; член РСДРП(б); ближайший соратник Ленина	Находился на периферии революционного движения; проявлял интерес к литературе и искусству; вступил во Францию в Иностраннный легион; участник Первой мировой войны; получил чин офицера; остался инвалидом
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Один из руководителей большевистского государства; фактический глава ВЦИК; активный участник организации советской власти и мобилизации сил для победы РККА	Примкнул к Белому движению, служа в Сибири, а затем на Юге России; открыто выражал враждебность к Октябрьской революции; угрожал брату убийством
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Был верен большевистской идеологии, но ранний уход из жизни не позволил как-либо проявить себя далее в новых условиях	Воспринял революцию как национальную катастрофу, сохраняя к ней негативное отношение; сделал выбор в пользу эмиграции с поражением Белого движения
Послевоенная судьба	После смерти вошел в советский политический пантеон; имя его было увековечено в названиях городов, улиц, учреждений и т. п.	Эмигрировал, сделал блестящую карьеру во Франции, став генералом и дипломатом; получил Большой крест ордена Почетного легиона; интегрировался в европейскую элиту, дистанцируясь от советской России

выбор конкретного лагеря, мотивация этого выбора и формы участия в борьбе).

3. Механизмы адаптации к послевоенной реальности и отношение к революции, зафиксированное в воспоминаниях или публичных высказываниях, что позволяет оценить способы интеграции в новые условия и глубину идеологической преемственности.

4. Послевоенная судьба (эмиграция или интеграция в советское общество, репутация, институциональная встраиваемость), что позволяет зафиксировать результаты выбора жизненного пути, статус и легитимность личности в национальных и международных контекстах.

Совокупность этих критериев помогает увидеть в семейных биографиях не просто «два параллельных пути», а драматическое поле конкурирующих представлений о патриотизме, долге и выборе Россией траектории своего развития. В рамках описанных критериев будет построен дальнейший анализ материала.

Основная часть

Первый показательный пример связан с братьями Яковом Михайловичем и Зиновием Михайловичем Свердловыми (табл. 1) — выходцами из семьи нижегородских евреев-ремесленников. Их судьбы ярко иллюстрируют внутренние противоречия эпохи. Старший брат Яков с юности участвовал в революционном движении, стал одним из ключевых организаторов и руководителей большевистского государства, возглавив с момента создания Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и фактически выполняя роль координатора партийного и государственного аппарата до своей смерти 16 марта 1919 г. в возрасте 33 лет [1, с. 26]. В те годы его политическая позиция была предельно ясна и однозначна: он воспринимал революцию и Гражданскую войну как неизбежную фазу классовой борьбы, а революцию — как историческую необходимость [1, с. 24]. Яков, как и многие его товарищи по партии, поддерживал идеи мировой революции, которая в скором времени преобразит жизнь всего человечества на земле. В частности, в своей речи при открытии Учредительного собрания 5 января 1918 г. Яков

Свердлов говорил: «Октябрьская революция зажгла пожар социалистической революции не только в России, но и во всех странах. Мы не сомневаемся, что искры нашего пожара разлетятся по всему миру, и недалек тот день, когда трудящиеся классы всех стран восстанут против своих эксплуататоров так же, как в Октябре восстал российский рабочий класс и следом за ним российское крестьянство» [2, с. 95].

Судьба родного брата Я. М. Свердлова — Зиновия, известного также как Зиновий Пешков (так как он стал приемным сыном М. Горького), демонстрирует предельную степень разрыва не только в политических ориентациях, но и в жизненных траекториях, что позволяет рассматривать данный случай как показательную модель братоубийственного раскола Гражданской войны. По свидетельству Р. А. Медведева, находясь в России в 1917–1918 гг. и оказавшись вблизи фронтовых событий, Зиновий, уже поучаствовавший в Первой мировой войне офицер, несмотря на инвалидность, примкнул к антибольшевистскому движению. Он служил на военно-дипломатических должностях в белой Сибири в бытность Российского правительства А. В. Колчака, а затем продолжил службу в белом Крыму в окружении П. Н. Врангеля. Отношение его к Октябрьской революции было подчеркнуто враждебным, крайне негативным, что подтверждается как современными исследованиями, так и собственными высказываниями. Показательным эпизодом стала телеграмма, направленная им в начале 1919 г. брату Якову с прямой угрозой повесить его вместе с В. И. Лениным [3, с. 162]. Это не только свидетельствовало о глубине личной непримиримости, но и фиксировало тот символический уровень вражды, когда разрыв семейных уз становился частью политической борьбы. Примечательно, что братья, опасаясь скомпрометировать друг друга, в годы войны стремились скрывать факт родства, а единственная их встреча прошла в атмосфере демонстративного отчуждения. После Гражданской войны в России Зиновий эмигрировал, прожив долгую жизнь и сделав блестящую дипломатическую и военную карьеру во Франции. Стоит полагать, что его успешной интеграции способствовал опыт проживания в Европе с 1904 г.

Таблица 2. Сопоставление судеб Антона и Виталия Макаренко
Table 2. Comparison of Anton and Vitaly Makarenko fates

Критерий	Антон Макаренко	Виталий Макаренко
Отношение к политике до 1917 г.	Педагог; не имел прямого отношения к революционному движению	Интересовался литературой и педагогикой; не увлекался революционными идеями
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Поддержав советскую власть, активно включился в ее социально-педагогические проекты; участвовал в формировании системы воспитания «нового человека»	Опасаясь репрессий, как офицер, примкнул к Белому движению, разделял антибольшевистские позиции
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	В своих трудах выражал убежденность в преобразующей силе советской власти	В воспоминаниях обосновывал свой вынужденный антибольшевистский политический выбор и участие в Белом движении
Послевоенная судьба	Интегрировался в советское общество, стал известным педагогом, его система воспитания получила официальное признание	Эмигрировал; работал педагогом и литератором; оставил воспоминания о брате, сохранив к нему уважение и личную привязанность.

Таким образом, сопоставление судеб Якова и Зиновия Свердловых выявляет не только антиподальность их политического выбора, но и демонстрирует антропологический механизм радикальной дивергенции идентичностей, когда из одной семьи выходили представители двух противостоящих миров, чьи биографические траектории иллюстрируют глубину социокультурного разлома, вызванного революцией и Гражданской войной.

Судьбы братьев Антона Семеновича и Виталия Семеновича Макаренко (табл. 2), оказавшихся в условиях революции и Гражданской войны по разные стороны политического и социального раскола, позволяют проследить, каким образом радикальные исторические катастрофы трансформировали не только индивидуальные идентичности, но и структуру семейных связей, в которых сохранялось уважение и взаимная привязанность даже при невозможности совпадения политических ориентаций. До 1917 г. оба брата, происходившие из небогатой семьи служащих и не проявлявшие заметной вовлеченности в революционное движение, жили обычной жизнью, ориентированной на труд и образование, что создавало предпосылки для последующего разделения их жизненных судеб, когда именно революция и война стали переломными моментами их биографий.

В годы Гражданской войны траектории их выбора разошлись принципиально: Антон Семенович, хотя и не участвовал в вооруженных действиях, вошел в проект советской власти по социализации «нового человека», создавая уникальные воспитательные колонии для беспризорных подростков, что соответствовало официальной линии большевизма на формирование «человека будущего», сам педагог фиксировал в своих сочинениях безусловную убежденность в миссии революции, в частности, в своем фундаментальном труде «Педагогическая поэма» он писал: «Только Октябрьская революция впервые в истории мира дала возможность родиться настоящему, принципиально чистому, нестыдному счастью» [4, с. 33].

Его брат Виталий — офицер военного времени, участник Первой мировой войны, имевший боевые награды и ранения, — опасаясь за свою жизнь, примкнул к Белому движению на Юге России. После падения белого Крыма он эмигрировал, посвятив себя педагогической и литературной деятельности. В воспоминаниях Виталий Семенович описал обстановку в России, побудившую его сделать не-

простой выбор: «Наступили мрачные, тяжелые дни. Людей арестовывали и уничтожали не за какое-нибудь преступление, а только за то, что они могли быть потенциальными врагами. Арестовывали ночью, без суда, на грузовике отвозили на Кременчугское кладбище и там расстреливали» [5, с. 23].

Отношение братьев к революции и Гражданской войне фиксировалось в различных формах памяти. Для Антона это была вера в преобразующую силу социалистического проекта и его реализация в педагогической практике, тогда как для Виталия — стремление сохранить человеческое измерение личности брата и дистанцию от политической полемики, поэтому показательным, что в своих воспоминаниях Виталий подчеркивал: «Никогда в своей жизни я не знал человека более умного, более человеческого, чем мой брат Антон... Независимо от того, что это был мой брат, я потерял в нем самого благородного, самого чуткого и, наверное, самого умного человека из тех, кого я встретил на моем жизненном пути» [5, с. 12]. Таким образом, его выбор заключался не в политическом самоопределении, а в мемориальном сохранении личностного образа, что имеет особое значение для антропологического анализа культур памяти.

В обоих случаях мы наблюдаем, как внутри одной семьи складываются различные траектории, при этом судьбы братьев оказываются неразрывно связаны с судьбой революции, но их интерпретация событий Гражданской войны радикально различается: для одних она — источник легитимности и инструмент строительства нового мира, для других — болезненный опыт, поражение Белого движения и вынужденная эмиграция. Отметим, что особое значение в антропологическом измерении судеб Антона и Виталия Макаренко имеет сохранение ими взаимного уважения и братской привязанности, несмотря на противоположность политических траекторий: даже при этом, пока позволяли обстоятельства, братья поддерживали переписку и выражали теплое отношение друг к другу, что показывает — глубинные родственные связи могли сохраняться как своеобразный «остров» человеческого в условиях идеологически расколотого общества.

Судьбы братьев Евгения Андреевича и Михаила Андреевича Беренсов (табл. 3) — выходцев из дворянской семьи, внуков адмирала, участника Крымской войны — ярко иллюстрируют, каким образом революция и Гражданская война раскалывали даже

Таблица 3. Сопоставление судеб Евгения и Михаила Беренсов
Table 3. Comparison of Evgeny and Mikhail Berensov fates

Критерий	Евгений Беренс	Михаил Беренс
Отношение к политике до 1917 г.	Окончил Морской кадетский корпус (1895); участник Русско-японской войны, затем морской атташе в Германии и Италии; революционными идеями не увлекался	Окончил Морской кадетский корпус (1898); участник военных конфликтов с Китаем и Японией; награжден орденом Св. Георгия; революционными идеями не увлекался
Политическая позиция в годы Гражданской войны	В числе первых высших офицеров перешел на сторону большевиков; возглавил Морской генеральный штаб, командовал морскими силами РСФСР; активно участвовал в создании Рабоче-крестьянского Красного флота	Примкнул к Белому движению на Дальнем Востоке, возглавлял Русскую эскадру в Бизерте; рассматривал сохранение флота и кадров как высший долг офицера
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Активно участвовал в дипломатической службе СССР: представлял страну на Генуэзской и Лозаннской конференциях, служил военным атташе в Лондоне и Париже; воспринимал революцию как историческую данность, требующую от профессионала служения новому государству	После разоружения эскадры в Бизерте в 1924 г. остался в Тунисе, работал в сельскохозяйственной дирекции, участвовал в деятельности Военно-Морского союза; о революции и Гражданской войне не оставил воспоминаний, что само по себе отражает стратегию молчания как способа адаптации
Послевоенная судьба	Интегрировался в советскую систему; умер в Москве, в памяти остался как видный военный и дипломат	Жил в эмиграции, умер в Тунисе в 1943 г.; сохранил репутацию офицера чести, преданного флоту и своим подчиненным

Таблица 4. Сопоставление судеб Юлии и Ивана Буниных
Table 4. Comparison of Julia and Ivan Bunin fates

Критерий	Юлий Бунин	Иван Бунин
Отношение к политике до 1917 г.	Редактор и педагог; активный участник народнического движения, за что подвергался арестам и ссылкам	Писатель, тяготел к консерватизму, держался в стороне от политической борьбы
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Жил в Москве; работал в Народном комиссариате просвещения; представитель «красной интеллигенции»	Ярый противник большевиков; крайне жестко критиковал революцию; бежал из Москвы на территорию Юга России, занятую белыми силами, поддерживая их как гражданский идеолог
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Интегрировался в советскую систему, разделив всеобщее социальное бедствие	В своих трудах подчеркивал, что революция несет разрушение культуры, нравственный упадок и гибель России
Послевоенная судьба	Умер в Москве от голода; в памяти остался как деятель интеллигенции, принесший себя в жертву новой эпохе	В эмиграции стал символом русской литературы; лауреат Нобелевской премии; выразитель антисоветской культурной традиции

наиболее спаянные профессиональным кодексом офицерские семьи, заставляя их представителей делать выбор, определявший не только политическую ориентацию, но и дальнейшую судьбу. Если до 1917 г. оба брата были сосредоточены на военной службе и не проявляли активного интереса к революционным идеям, то именно события революции и Гражданской войны стали поворотным моментом. Единая офицерская школа и общие ценности профессиональной чести и корпоративной культуры привели к противоположным решениям. Старший брат Евгений встроился в советскую систему и сделал карьеру как военный и дипломат, младший брат Михаил, примкнув к Белому движению, завершил жизненный путь в эмиграции [6, 7].

При этом Евгений ощущал свою чуждость советской системе. Революционерка Лариса Рейснер так писала о нем: «Революция заставила Беренса — теоретика и сибарита, засучить кружевные манжеты и собственными руками рыть могилу своему мертвому прошлому и своему побежденному классу» [8, с. 45]. Но смерть в 1928 г. спасла его от возможного трагического исхода.

Стоит помнить, что масштабные политические процессы в отношении бывших представителей офицерства, состоявших на большевистской службе, последовали уже в 1929 г.

Таким образом, пример братьев Беренсов демонстрирует, что при общем социальном происхождении и общей профессиональной подготовке выбор политической стороны оказался не следствием семейной традиции или классовой принадлежности, но результатом индивидуального понимания долга и служения Отечеству: для Евгения оно совпало с задачами новой советской власти, для Михаила — с сохранением верности старому флотскому корпусу и Белому движению. Хотя источники не фиксируют их переписки или личных контактов после 1920 г., отсутствие вражды в исторической памяти свидетельствует о том, что даже в условиях гражданской катастрофы сохранялись следы братской солидарности, пусть и не проговоренные.

Антиномия судеб братьев Буниных Ивана Алексеевича и Юлия Алексеевича — детей небогатых дворян (табл. 4) — выявляет иной тип биографического и мировоззренческого расхождения, нежели рассмотренные ранее случаи. Здесь речь идет не о выборе внутри профессиональной среды или военной корпорации, а о фундаментальном расхождении культурно-политических мировоззрений, которое в условиях революции и Гражданской войны получило трагическое завершение.

Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921), старший брат писателя, получил университетское об-

Таблица 5. Сопоставление судеб Юрия и Александра Анненковых
Table 5. Comparison of Yuri and Alexander Annenkov fates

Критерий	Юрий Анненков	Александр Анненков
Отношение к политике до 1917 г.	Политически пассивен до 1917 г.	Политически пассивен до 1917 г.
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Принял советскую власть; работал как художник-агитатор; создавал портреты вождей	Примкнул к Белому движению на Юге России
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Воспринимал революцию как исторический факт, фиксировал детали	Воспринимал революцию как катастрофу, выбрал путь вооруженной борьбы; прямых воспоминаний не оставил
Послевоенная судьба	Эмигрировал в 1924 г., войдя в творческую часть русской диаспоры Парижа; личная привязанность к брату оказалась выше просоветских убеждений	Эмигрировал в 1920 г.; вел работу в политических кругах за границей; символизировал «военную ветвь» диаспоры

разование, активно участвовал в народническом движении, был связан с чернопеределческими кружками, подвергался арестам и ссылкам, что свидетельствует о его ранней вовлеченности в радикально-демократическую среду [9, с. 22]. Неудивительно, что после революции он остался в Москве, работал в Народном комиссариате просвещения, принадлежал к числу так называемой «красной интеллигенции», вынужденно разделявшей все бедствия послереволюционной действительности. Его смерть в 1921 г., по всей вероятности от голода, стала частью той трагической картины гибели, которая еще в начале XX в. связывалась с ее жертвенным служением культуре.

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), напротив, был настроен значительно более консервативно, с самого начала воспринял революцию как катастрофу и в 1918 г. покинул Россию: в «Окаянных днях» он оставил одно из самых резких свидетельств об эпохе, определяя революцию как абсолютное зло: «Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже?» — писал он, создавая образ не только политических оппонентов, но и чудовищной «галереи каторжников» [10, с. 43], для него революция была сродни эпидемии: «Чума, холера — тоже стихия. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются...», — утверждал писатель, подчеркивая антиисторический, разрушительный характер большевистского переворота [10, с. 59].

Он видел в происходящем нравственное падение народа: «Опозорен русский человек... опротивел человек», фиксируя деградацию национального характера [10, с. 87], поэтому для него судьба России предстала как позолотная потеря: «Была Россия! Где она теперь?» [10, с. 95], а сама революция как бессмысленная и кровавая смена ролей: «Революция есть только кровавая игра в перемену местами...» [10, с. 103], он предчувствовал разрушение культурного наследия и с горечью писал о том, что последующие поколения советских людей не смогут даже представить себе величие и мощь той России, в которой им когда-то довелось жить, которую его поколение не ценило и не понимало [11, с. 253; 12, с. 54].

Личное отчаяние Бунина усиливалось смертью брата: узнав о кончине Юрия в Москве, он писал: «Зачем, зачем я уехал? Если бы я там был, то спас бы его!» [13, с. 211], превращая личную утрату в символ трагедии разделенной России.

Таким образом, трагическая антиномия судеб Ивана и Юлия Буниных воплощает два разнораз-

правленных сценария: один брат, разделив судьбу советской интеллигенции, умер от голода, другой в изгнании превратил собственный опыт эмигранта в символический приговор эпохе, где революция предстает как «сплошной ужас»; и если для Юлия участие в новых институтах было формой служения культуре даже в условиях нищеты, то для Ивана трагедия брата и катастрофа России стали основанием для создания одного из самых сильных антибольшевистских свидетельств XX в.

Наконец, судьба Юрия и Александра Анненковых (табл. 5) показывает, что даже при общей памяти о «семье народовольцев» (братья были сыновьями народовольца П. С. Анненкова) возможен разный выбор: так братья оказались на противоположных полюсах гражданского выбора в 1917–1918 гг.

Юрий Анненков вошел в историю прежде всего как художник, связанный с авангардом и петроградской культурной средой, его непосредственные наблюдения за революционными событиями в Петрограде в 1917 г. зафиксированы в мемуарах «Дневник моих встреч», где он пишет: «Перейдя с опаской пустыню Невского проспекта, я завернул за угол и увидел перед собой баррикаду, сложенную из опрокинутых саней, каких-то ящиков и столбов. Все стало ясным: революция. Я думаю, что это было 25 февраля» [14, с. 41]. Присутствие художника в ключевых точках революционной хроники придавало его свидетельствам характер живого репортажа: «Мне удалось присутствовать в качестве неисправимого ротозея на площади Зимнего дворца вечером 25 октября... когда ухнули холостые выстрелы с "Авроры". Это был финальный сигнал» [14, с. 59]. Будучи востребован советской властью как мастер агитационного искусства, он работал над плакатами и оформлением публичных мероприятий: создавал портреты вождей и проекты для Красной площади, при этом проявлялась его позиция «оформителя революции», человека, который не просто наблюдал, но художественно конструировал ее символический облик.

Иной путь избрал его брат Александр, ставший офицером армии Врангеля и эмигрантом уже в 1920 г., в отличие от Юрия, он оказался втянут в вооруженную борьбу на стороне Белого движения, что обусловило для него разрыв с советской Россией.

Особую антропологическую значимость приобретает выбор Юрия Анненкова в 1924 г.: несмотря на то, что советская власть поддерживала его творчество, он, уехав во Францию на время, отказался вернуться в СССР, объяснив это необходимостью

Таблица 6. Сопоставление судеб Екатерины Рощиной-Инсаровой и Веры Пашенной
Table 6. Comparison of Ekaterina Roshchina-Insarova and Vera Pashennaya fates

Критерий	Екатерина Рощина-Инсарова	Вера Пашенная
Отношение к политике до 1917 г.	Популярная актриса дореволюционной сцены	Менее заметна до 1917 г.
Политическая позиция в годы Гражданской войны	Антибольшевизм; эмиграция; открытая враждебность к новой власти	Поддержка Октября; лояльность к советскому строю
Адаптация к послевоенной реальности и отношение к революции	Эмиграция; критика большевизма	Интеграция в советскую систему, апология идейности искусства
Послевоенная судьба	Первая актриса русского зарубежья; забыта на родине	Народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии, член КПСС

остаться за границей с братом, так его эмиграция стала актом братской солидарности, в котором личная привязанность перевесила идеологическую лояльность.

В этом редком случае семейная связь оказалась сильнее идеологических разломов: Юрий предпочел пожертвовать своими политическими взглядами, привязанностью к Родине, возможностью работать в России ради привязанности к брату.

Следует отметить, что типология братских разломов, описанная выше, представляет собой не единственный шаблон, но спектр родственных сценариев, каждый из которых иллюстрирует определенную конфигурацию взаимодействия личного и политического, и потому уместно рассматривать эти конфигурации последовательно, начиная с наиболее крайних институционально-политических противопоставлений и заканчивая случаями, где родство выступало фактором, способным преодолеть идеологические разломы.

Во-первых, в случае братьев Якова и Зиновия Свердловых мы наблюдаем экстремальную форму служебно-институционального антагонизма, когда один брат — Яков — оказывается в эпицентре большевистской власти, а другой — Зиновий (Пешков) — в рядах Белого движения и даже в окружении Колчака, а затем Врангеля, при этом конфликт достигает такой остроты, что родство приходится сознательно скрывать, в этом случае родственная кровная связь не способна смягчить политическую вражду.

Во-вторых, на примере братьев Антона и Виталия Макаренко мы сталкиваемся с моделью стратегически-адаптивного разлома, когда из общей социальной среды выхода в «обычную жизнь» два брата выбирают разные механизмы выживания и самоопределения: старший, Антон, встраивается в проект советской педагогики, тогда как Виталий, опасаясь репрессий, примыкает к Белому движению и впоследствии эмигрирует, однако при этом сохраняется относительная эмоциональная близость между родными братьями, что демонстрирует возможность сочетания идеологического расхождения с семейной привязанностью.

В-третьих, судьбы братьев Евгения и Михаила Беренсов моделируют служебно-институциональную (военно-профессиональную) конфронтацию в особой форме: оба имели общую морскую школу и профессиональный кодекс, однако для Евгения, принявшего сторону большевиков и ставшего важной фигурой в Красном флоте, революция стала полем профессиональной трансформации и служения новому государству, тогда как для Михаила верность «этике ответственности» имперского офицера привела его в Белое движение и в эмиграцию

с Русской эскадрой в Бизерте, и хотя источники отмечают отсутствие вражды между ними, их биографии транслируют модель, в которой одинаковая профессиональная идентичность породила разный политический выбор.

В-четвертых, пример братьев Юлия и Ивана Буниных выступает как парадокс идейно-культурного разлома, в котором старший брат, Юлий, будучи народовольцем и оставшись в Москве в составе «красной интеллигенции», умирает в тяжелых условиях послереволюционного голода, тогда как Иван уезжает в эмиграцию и превращает личный опыт разлуки и утраты в жесткую публицистическую и художественную критику революции, — это тот случай, где культурная и моральная поляризация перерастает в символическую полемику, делая семейную драму частью более широкого морального приговора эпохе.

Наконец, судьба братьев Юрия и Александра Анненковых задает частный тип эстетико-диаспорального разлома, при котором художник Юрий, несмотря на востребованность своего творчества со стороны советских институтов, в 1924 г. сознательно остается за границей ради младшего брата-офицера Александра, ушедшего в эмиграцию с силами Врангеля, и тем самым демонстрирует модель, в которой родственная привязанность перевешивает идеологическую лояльность.

Таким образом, сопоставление перечисленных кейсов позволяет выделить пять модельных типов братских разломов:

1. Экстремально институционально-политическую (Свердловы);
2. Стратегически-адаптивную или социально-прагматическую (Макаренко);
3. Профессионально-служебную (Беренсы);
4. Идейно-культурную, превращающую в личную трагедию (Бунины);
5. Эстетико-диаспоральную, где семейная солидарность превышает политические убеждения (Анненковы).

При этом каждая модель коррелирует с определенным набором стратегий памяти — от сокрытия родства и подчеркивания дистанции до активного воспоминания и превращения личного опыта в политическое послание — что и составляет центральный предмет антропологического интереса данного исследования.

Но отличительным критерием в сказанном было то, что это были мужские биографии. В этой связи интересен «гендерно противоположный» анализ женских судеб. Пример тому жизненные стратегии родных сестер Екатерины Рощиной-Инсаровой и Веры Пашенной (табл. 6) — двух актрис, которых разделила революция и Гражданская война. Екате-

рина, воспринявшая Октябрь как культурную катастрофу и разрыв с дореволюционной традицией, сделала выбор в пользу эмиграции, тогда как Вера сумела встроиться в новую систему, превратившись в символ советского театра.

По наблюдениям П. Н. Гордеева, поддержав Февральскую революцию, Екатерина уже в 1918 г. отвергла большевистский переворот, что выразилось не только в ее уходе из Александринского театра, но и в открытой неприязни к «уравнительным» практикам новой власти [15, с. 92]. Через Одессу и Константинополь она эмигрировала на Запад, где в Риге и Париже закрепила за собой репутацию «первой актрисы русского зарубежья», а в воспоминаниях и интервью (в частности, в беседе с Радио «Свобода» 1965 г.) настойчиво подчеркивала неприимчивость к большевизму и верность дореволюционной культурной традиции, например, актриса так вспоминала о событиях революции и гражданской войны в Петрограде: «Победивший пролетариат вел себя хуже взбесившихся обезьян» [16].

Ее сестра Вера Пашенная связала судьбу с Малым театром, став ведущей актрисой и педагогом, удостоенной званий народной артистки СССР и лауреата Сталинской премии. Однако она избегала политических деклараций, предпочитая говорить языком профессии: в трудах «Моя работа над ролью» (1934) и «Искусство актрисы» (1954) речь шла о дисциплине, мастерстве и трудовой этике, а не о политике, впрочем, в других своих книгах Вера говорила о положительном значении Октябрьской революции для искусства: «Малый театр, как и вся страна, после 1905 года задыхался под гнетом реакции... Трудно себе представить, что стало бы с театром вообще, а с Малым театром в частности, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года...», «Произошла полная переоценка ценностей, беспощадная ломка сгнившего старого... Мы постепенно начали понимать, что искусство не может быть аполитичным...» [17, с. 56]. Вступление Пашенной в КПСС в 1954 г. стало символом ее полной институциональной интеграции и подтверждением высокой позиции в советской культурной иерархии.

Сравнение судеб сестер показывает, что их выбор определялся не только личным характером, но и различным символическим капиталом: Екатерина, обладавшая репутацией утонченной «актрисы-интеллектуалки», не могла принять большевистскую власть, воспринимая ее как разрушение привычного этикета и художественной дисциплины; Вера же органично вписалась в канон «народности» и идеологической адаптации, где ценились устойчивость и преданность сцене.

Таким образом, судьбы сестер Екатерины и Веры иллюстрируют тип сестринского разлома эстетико-институционального характера, когда личное соперничество актрис дореволюционного времени (с популярностью Екатерины в 1910-е гг. и Веры в советский период) дополнилось полной политической и культурной дивергенцией. Одна стала символом русского театра в эмиграции, другая — олицетворением советской сцены, однако при этом уникальным остается отсутствие личной вражды и взаимных обвинений. Вера была вынуждена публично отказаться от сестры как от «предательницы Родины», но Екатерина, даже в поздних интервью, воздержалась от упоминаний о сестре, что демонстрирует дистанцию без ненависти и позволяет говорить о специфической форме культур-

ного разрыва, в которой семейная связь исчезает не через конфронтацию, а через отдаление.

Выводы и дискуссия

Подводя итоги исследования, необходимо подчеркнуть, что судьбы родных братьев и сестер в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) демонстрируют антропологический парадокс. Война, разрушавшая государственные и социальные структуры, встраивалась и в интимное пространство семьи, превращая кровное родство в арену идеологического и культурного конфликта, где выбор стороны был обусловлен одновременно и социальным происхождением, и личными представлениями о долге, культуре, патриотизме.

Рассмотренная выборка может быть восполнена многочисленными примерами из других трагичных семейных историй соотечественников, испытавших на себе коллизии Гражданской войны. Обращение даже только к новейшей историографии, описывающей судьбы представителей интеллектуальной прослойки общества, может обильно пополнять нарратив [см. напр.: 18–21]. Однако даже рассмотренные примеры дают репрезентативный срез.

Во-первых, рассмотренный материал позволяет утверждать, что социальное происхождение и культурная принадлежность задавали лишь общую рамку возможных решений, но не детерминировали их окончательно: семьи дворянские (Анненковы, Бунины, Беренсы, Рощина-Инсарова и Пашенная), а также мещанско-служилые (Свердловы, Макаренко) рождали как убежденных сторонников советской власти, так и его последовательных критиков и противников, что еще раз подтверждает мысль о множественности траекторий внутри одной семьи.

Во-вторых, политическая и культурная позиция каждого из участников событий формировалась не в вакууме, а в сложном сплетении личных убеждений, профессиональной идентичности и восприятия самой революции: для Екатерины Рощиной-Инсаровой она явилась катастрофой, уничтожающей привычный этикет и культурный уклад, тогда как ее сестра Вера Пашенная увидела в Октябре возможность обновления театра и личного служения сцене; для Ивана Бунина эмиграция стала путем сохранения «подлинной России» в литературной памяти, тогда как его брат Юлий нашел место в системе советского образования, видя в ней шанс быть полезным народу; для Юрия Анненкова искусство революции сначала было пространством творческого эксперимента, а затем — в эмиграции — способом фиксации трагедии утраченной страны, тогда как его брат Александр сделал ставку на Белое движение и исход.

В-третьих, судьба послевоенной интеграции или эмиграции оказалась прямым следствием сделанного выбора: те, кто принял новую власть и встроился в ее институции (Я. Свердлов, А. Макаренко, В. Пашенная), получили признание, государственные награды и место в советском пантеоне, но часто ценой молчаливой лояльности и отказа от критического взгляда на происходящее; напротив, эмигранты (И. Бунин, М. Беренс, Ю. Анненков, Е. Рощина-Инсарова) сохранили в себе и вокруг себя дореволюционную традицию, создали альтернативные центры памяти о России, но были исключены из официальной культурной истории Советского Союза и оказались в положении «забытых на родине».

В-четвертых, гендерный ракурс анализа позволяет выявить определенные различия в мужских

и женских жизненных стратегиях в условиях Гражданской войны, не сводимые, однако, к жесткой дихотомии: так, мужские биографии в рассмотренной выборке в большей степени демонстрируют прямое включение в институционально-политическое и военное-служебное противостояние, где выбор стороны чаще оформлялся как вопрос долга, профессиональной чести или политической ответственности и имел необратимые последствия в виде карьеры, репрессий либо эмиграции, женские судьбы, напротив, в меньшей степени были связаны с участием в формальных структурах власти или вооруженной борьбы, однако не были менее идеологически нагруженными: выбор Екатерины Рощиной-Инсаровой и Веры Пашенной осуществлялся прежде всего в культурно-ценностном и символическом пространстве, где театр, эстетика и представления о миссии искусства становились эквивалентами политической позиции. При этом принадлежность всех исследованных персонажей к интеллектуальной среде и высокий уровень образования — характерная черта как мужских, так и женских биографий — выступали важным фактором автономности выбора, формируя способность к рефлексии, артикуляции собственной позиции и созданию нарративов памяти, именно интеллектуальный капитал позволял как мужчинам, так и женщинам не только адаптироваться к новой реальности или сохранить дистанцию от нее, но и осмыслить пережитый раскол в категориях культуры, морали и исторической ответственности, что придает их судьбам особую значимость для антропологического понимания Гражданской войны.

Особую значимость для историко-антропологического анализа приобретают тексты памяти и личные высказывания: именно они выявляют глубокую асимметрию восприятия революции и Гражданской войны если эмигрантские воспоминания фиксируют революцию как катастрофу и разрыв, как «взбесившийся пролетариат» (Е. Рощина-Инсарова) или как «конец русской культуры» (И. Бунин), то советские мемуары и теоретические работы (В. Пашенная, А. Макаренко), напротив, конструируют образ революции как точки обновления искусства, морали и социального устройства. Таким образом, сами семейные линии памяти демонстрируют полярность интерпретаций одного и того же события.

И наконец, результат сопоставления судеб исследованных семей позволяет заключить, что Гражданская война явилась не только ареной классовой борьбы, но и демонстрацией внутрисемейного разлома, где семья выступала в качестве микромоделей общества: кровная близость и общая биография не гарантировали совпадения политических взглядов, напротив, именно родство делало разрыв особенно болезненным и символически значимым. Таким образом, выбор «красного» или «белого» пути становился не просто актом политического самоопределения, но судьбоносным приговором, определявшим не только жизнь конкретного человека, но и образ памяти о нем в последующие десятилетия, а также способ его институциональной включенности в историю России XX в.

Список источников / References

1. Войтиков С. С. «Председатель ЦК»: Я. М. Свердлов в политической борьбе 1918—начала 1919 года // Российская история. 2014. № 1. С. 24—43. EDN: RYYSPL.

Voytikov S. S. "The Chairman of the Central Committee": Yakov Sverdlov in political struggle, 1918—early 1919. *Rossiyskaya Istoriya*. 2014;1:24—43. EDN: RYYSPL. (In Russ.).

2. Свердлов Я. М. Избранные произведения: Статьи, речи, письма: В 3 т. Т. 2. Москва: Политиздат, 1959. С. 95—97.

Sverdlov Ya. M. Izbrannyye proizvedeniya: Stat'i, rechi, pis'ma: In 3 vols. Vol. 2. Moscow, 1959. P. 95—97. (In Russ.).

3. Медведев Р. А. О необычайной судьбе семьи и родственников Я. М. Свердлова // СССР: внутренние противоречия. 1988. Вып. 22. С. 156—204.

Medvedev R. A. O neobychnoy sud'be sem'i i rodstvennikov Ya. M. Sverdlova. *Internal Contradictions in USSR*. 1988;22:156—204. (In Russ.).

4. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 7. М.: Педагогика, 1986. 320 с.

Makarenko A. S. Pedagogicheskiye sochineniya: In 8 vols. Vol. 7. Moscow, 1986. 320 p. (In Russ.).

5. Макаренко В. С. Мой брат Антон Семенович. URL: <https://litlife.club/books/79866/read> (дата обращения: 24.09.2025).

Makarenko V. S. Moy brat Anton Semenovich. URL: <https://litlife.club/books/79866/read> (accessed: 24.09.2025). (In Russ.).

6. Ульянова Л. Братья Беренсы: из истории русской междоусобицы. URL: <https://fest.radonezh.ru/2020/05/18/lyubov-ulyanova-bratya-berensy-iz-istorii-russkoy-mezhdousobicy> (дата обращения: 24.09.2025).

Ulyanova L. Brat'ya Berensy: iz istorii russkoy mezhdousobitsy. URL: <https://fest.radonezh.ru/2020/05/18/lyubov-ulyanova-bratya-berensy-iz-istorii-russkoy-mezhdousobicy> (accessed: 24.09.2025). (In Russ.).

7. Борисенко В. Н. Военно-морской атташе Е. А. Беренс на службе России // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2023. № 23-2. С. 133—139. EDN: AABDGP.

Borisenko V. N. Naval attaché E. A. Berens in the service of Russia. *Trudy Kafedry Istorii Novogo i Noveyshego Vremeni*. 2023;23-2:133—139. EDN: AABDGP. (In Russ.).

8. Рейснер Л. М. Фронт: 1918—1919. Москва: Красная новь, 1924. 130 с.

Reysner L. M. Front: 1918—1919. Moscow, 1924. 130 p. (In Russ.).

9. Кознова Н. Н. Юлий Бунин — редактор журнала «Вестник воспитания» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 22—27. EDN: WGXMCT.

Koznova N. N. Yuliy Bunin, editor of the journal "VestnikVospitaniya". *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2016;4:22—27. EDN: WGXMCT. (In Russ.).

10. Бунин И. А. Окаянные дни / сост. О. Михайлов. Т. 10. Кн. 2. Москва: Молодая гвардия, 1991. 333 с. ISBN 5-235-01771-4.

Bunin I. A. Okayannyye dni. Compiled by O. Mikhaylov. Vol. 10. Book 2. Moscow, 1991. 333 p. ISBN 5-235-01771-4. (In Russ.).

11. Аболина М. М. И. А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции (1920—1955 гг.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 234—253. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-11-234-253>. EDN: WOAEMW.

Abolina M. M. Ivan Bunin and publishing activities of the Russian émigrés (1920—1955). *Literary Fact*. 2019;1(11): 234—253. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-11-234-253>. EDN: WOAEMW. (In Russ.).

12. Пономарев Е. Р. Парадигмы эмигрантского быта. Круг общения семьи Буниных и повседневная культура эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 1. С. 52—63. EDN: VUSAUZ.

Ponomarev E. R. The paradigm of the emigrant life. Social circle of the Ivan Bunin family and daily culture of Russian emigration. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2016;1:52—63. EDN: VUSAUZ. (In Russ.).

13. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных и другие архивные материалы: в 3 т. Т. 1 / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Possev-Verlag, 1977. 366 с.

Ustami Buninykh: dnevniki Ivana Alekseyevicha i Very Nikolayevny Buninykh i drugiye arkhivnyye materialy: in 3 vols. Vol. 1. Ed. by M. Grin. Frankfurt am Main, 1977. 366 p. (In Russ.).

14. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: цикл трагедий. Т. 1. Нью-Йорк: Междунар. лит. содружество, 1966. 344 с.

Annenkov Yu. P. Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragediy. Vol. 1. New York, 1966. 344 p. (In Russ.).

15. Гордеев П. Н. Актриса и революция: Е. Н. Рощина-Инсарова в 1917–1918 гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26, № 1. С. 90–94. EDN: VPZWIX.

Gordeev P. N. The actress and the revolution: E. N. Roschina-Insarova in 1917–1918. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2016;26(1):90–94. EDN: VPZWIX. (In Russ.).

16. Рощина-Инсарова Е. Н. «Непричесанные воспоминания»-2. URL: <https://vk.com/@-21406897-ekaterina-roschina-insarova-neprichesannyye-vozpominaniya-2> (дата обращения: 24.09.2025).

Roshchina-Insarova E. N. "Neprichesannyye vospominaniya"-2. URL: <https://vk.com/@-21406897-ekaterina-roschina-insarova-neprichesannyye-vozpominaniya-2> (accessed: 24.09.2025). (In Russ.).

17. Пашенная В. Н. Актер в стране социализма. Москва: Искусство, 1956. 207 с.

Pashennaya V. N. Akter v strane sotsializma. Moscow, 1956. 207 p. (In Russ.).

18. Бодрова Л. А., Петин Д. И. Две России в одной судьбе: к биографии Ивана Гавриловича Галкина (1896–1937) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1 (33). С. 55–66. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(1\).55-66](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(1).55-66). EDN: DMCEJF.

Bodrova L. A., Petin D. I. Two Russia in one destiny: to the biography of Ivan G. Galkin (1896–1937). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2022;9(1):55–66. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(1\).55-66](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(1).55-66). EDN: DMCEJF. (In Russ.).

19. Каминский В. В., Веремченко В. А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 64–83. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.304>. EDN: XRVNKF.

Kaminskiy V. V., Veremenko V. A. The Noble Family Baranovskiy at the Turn of the Epoch. *Modern History of Russia*. 2016;3(17):64–83. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.304>. EDN: XRVNKF. (In Russ.).

20. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300. EDN: ZEOGJV.

Petin D. I., Kaminsky V. V. General-Major of the General Staff N. N. Artamonov (1872–1937): A Biography in Light of New

Sources. *Herald of an Archivist*. 2017;3:274–300. EDN: ZEOGJV. (In Russ.).

21. Ключ И. А. Судьба семьи кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова в период Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2025. С. 160–170.

Klyus I. A. Sud'ba sem'i kinorezhissera Sergeya Apollinariyevicha Gerasimova v period Grazhdanskoй voyny. *Grazhdanskaya Voyna na Vostoke Rossii: Vzglyad Skvoz' Dokumental'noye Naslediye: Materialy VI Mezhdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii*. Omsk, 2025. P. 160–170. (In Russ.).

Информация об авторе:

ГРИЦАЙ Людмила Александровна, доктор педагогических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Теория и история педагогики» Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль.

SPIN-код: 9447-8656

AuthorID (РИНЦ): 690493

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

e-mail: usan82@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 30.12.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 13.04.2026.

Information about the author:

GRITSAY Lyudmila Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of Pedagogy Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

SPIN-code: 9447-8656

AuthorID (RSCI): 690493

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

e-mail: usan82@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 30.12.2025; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 13.04.2026.